

Первый министр Ян Сюнь невольно нахмурился, в его сердце зародилось неясное чувство тревоги. Он вспомнил события, произошедшие ранее в императорском кабинете, и слова, которые хотел произнести в качестве увещаний, застряли у него в горле. В итоге он лишь молча наблюдал, как разворачивался этот фарс.

Да, это был настоящий фарс.

Перед лицом угрозы для жизни даже те сановники, которые обычно превозносили небо, землю, государя, родителей и учителей, считали каждое слово о «грязи» оскорблением их достоинства, внезапно показали своё истинное лицо.

Вначале они ещё пытались сохранить образ благородных мужей, поддерживая свою честь и достоинство. Однако, осознав, что помощи ждать неоткуда и единственный выход — следовать указаниям нового императора, некоторые не выдержали и начали нападать на Хэ Бочжэна, ключевую фигуру клана Хэ. Но Хэ Бочжэн был лишь один, и им нужно было выдвинуть ещё девять человек. И вот они начали выставлять напоказ все свои самые отвратительные черты.

Они обвиняли друг друга в том, кто сколько зловещих планов придумал для подавления нового императора, кто сколько жизней погубил, кто сколько денег украл, и даже кто с кем совершил прелюбодеяние.

Остальные чиновники смотрели на это с изумлением и ужасом.

И каждый раз, вспоминая об этом позже, они содрогались от страха. Казалось, что один неверный шаг — и они окажутся на месте тех, чьи головы были разбиты, а мозги и кровь разлетелись во все стороны, вместе с глазами, которые покатались на несколько футов в сторону.

Неизвестно, было ли это игрой разума, но чиновники чувствовали, что их самих забрызгало этой кровью, что она попала на их лица и даже в рот. Этот металлический привкус, смешанный с запахом крови, проникал в их ноздри, и сколько бы они ни мылись, он не исчезал, продолжая преследовать их.

Те, кто был слаб духом, не могли спать ночами, и каждый раз, закрывая глаза, они снова и снова видели эти ужасные сцены.

Но перемены продолжались.

Любимая императрица Хэ, которая долгие годы пользовалась благосклонностью, была объявлена заговорщицей и покончила с собой, опасаясь наказания.

Император Цзинтай, пережив боль утраты, отрёкся от престола в пользу второго принца Сыту Хэна.

Новый император взошёл на трон и объявил всеобщую амнистию.

Новая эра наступила.

Не говоря уже о том, какой глубокий психологический шок оставил Гу Цин у чиновников в день своего восшествия на престол, давайте поговорим о буквально «истощившем себя» императоре Цзинтае.

В тот день, когда Хэ Ваньцин была уничтожена системой наложницы, все её инструменты, такие как узел единства, потеряли свою силу. Это было похоже на то, как будто император Цзинтай находился под влиянием колдовства Хэ Ваньцин. Как только она была уничтожена, император тут же выплюнул большое количество чёрной крови и потерял сознание, хотя всё же остался в живых.

Гу Цин не воспользовался моментом, чтобы убить отца.

Тем не менее, император Цзинтай был в плохом состоянии, и его жизнь поддерживалась лишь благодаря редким лекарствам. Теперь, когда на нём больше не было негативных эффектов от Хэ Ваньцин, он, возможно, смог бы осознать, как много ошибок совершил за эти годы.

Нет, строго говоря, его глупость нельзя полностью списать на негативные эффекты Хэ Ваньцин. Как можно возложить всю вину на красавицу, которая погубила государство? Хэ Ваньцин лишь устраняла одну за другой наложниц в гареме, но это был сам император Цзинтай, кто безосновательно смецал чиновников и даже уничтожал целые семьи.

Но теперь, без негативных эффектов Хэ Ваньцин, император Цзинтай, возможно, смог бы вернуть часть своего стыда и понять, что он натворил за эти годы и как потерял трон.

Гу Цин искренне надеялся, что император Цзинтай немного придёт в себя.

Что касается разлучения влюблённых, Гу Цин выразил искреннее сожаление, но он уже придумал, как компенсировать это императору Цзинтаю.

Ну, в его понимании это была компенсация.

Пока император Цзинтай находился без сознания, Гу Цин не сидел сложа руки, он только начал разворачивать свои планы. К счастью, император Цзинтай не был обделён сыновней заботой. Кроме бывшего наследного принца Сыту Цзина, третий принц Сыту Юй и принцесса Яньян находились во дворце. Даже вышедшая замуж принцесса Даньян подала прошение о том, чтобы вернуться во дворец и ухаживать за отцом.

Не хватало только принцессы Фэньян.

Сейчас Гу Цин уже восстановил статус свергнутой императрицы Ян и посмертно присвоил своей матери, наложнице Сяо, титул императрицы-матери. Он также пожаловал принцессе Фэнъян титул старшей принцессы Фэнъян, в то время как остальные его братья и сёстры такого звания не получили.

Многие чиновники считали, что этот исключительный статус принцессы Фэнъян был связан с тем, что клан Ян внёс неоценимый вклад в восхождение Гу Цина на престол.

Гу Цин видел это, но не стал разоблачать, он лишь ждал возвращения принцессы Фэнъян.

Принцесса Фэнъян вернулась в императорский город на пятый день после восшествия Гу Цина на престол, уставшая и покрытая пылью.

В тот момент Гу Цин находился в императорском кабинете, занимаясь государственными делами. Он снова нарушил прецедент, и чиновники, стоявшие перед ним, переглядывались в недоумении. Среди них был первый министр Ян Сюнь и заместитель министра чиновников Ян Чэ, дядя принцессы Фэнъян.

Евнух объявил о её прибытии.

Гу Цин хлопнул в ладоши:

— Я как раз думал, что Фэнъян должна уже прибыть. Пусть войдёт.

Внешние чиновники хотели удалиться, но императорский кабинет не был тронным залом, и им некуда было скрыться. В это время принцесса Фэнъян уже ворвалась внутрь, и её голос раздался ещё до того, как она вошла:

— Второй брат, отец ещё жив?

Было непонятно, надеялась ли она, что император Цзинтай ещё не скончался, или сожалела, что он всё ещё цеплялся за жизнь.

Заместитель министра чиновников Ян Чэ изо всех сил пытался вспомнить, когда в последний раз видел принцессу Фэнъян. Это было три года назад на новогоднем банкете во дворце. Тогда принцесса Фэнъян даже не имела обычного сопровождения принцессы, и даже девушки из клана Ян выглядели ярче и живее неё. А за эти три года принцесса Фэнъян жила в храме Синлун, соблюдая пост и молясь Будде.

В дверях появилась женщина в верховой одежде. Она была высокой, двигалась уверенно и решительно, её глаза были острыми и яркими, как будто она была вынутым из ножен легендарным мечом, на который невозможно было смотреть.

Однако, кроме черт лица, напоминавших императрицу Ян, она совсем не походила на

принцессу Фэнъян из воспоминаний Ян Чэ.

Не только он, но и остальные чиновники были поражены.

Гу Цин:

— Фэнъян.

Фэнъян улыбнулась, показывая белоснежные зубы. Затем она повернулась к чиновникам в кабинете, и они начали приветствовать её. Фэнъян, не теряя улыбки, безошибочно назвала их должности:

— Господа, не стесняйтесь. Я давно не была во дворце, так что сегодня не будем углубляться в знакомство.

Все присутствующие были людьми опытными, и они сразу поняли, что принцесса Фэнъян отнюдь не была той жалкой фигурой, которой они её считали, а напротив, она была не из тех, с кем легко иметь дело.

Гу Цин, заметив их реакцию, встал из-за императорского стола:

— Господа, обсудите моё предложение и подготовьте план. Я отведу Фэнъян к отцу.

Фэнъян склонила голову:

— Господа, до встречи.

Чиновники:

— Э-э. Что это за манера?

Ян Чэ подумал: «Что же произошло с принцессой за эти три года?»

Когда Фэнъян навестила императора Цзинтая, который едва дышал, она лишь взглянула на него и ушла, не оглядываясь.

Гу Цин пошёл за ней.

Фэнъян не ушла далеко, она сидела на ступенях перед дворцом, широко расставив ноги. Услышав шаги Гу Цина, она подняла голову и хлопнула по месту рядом с собой.

Гу Цин оставался невозмутимым, и слуги принесли ему кресло.

Спинка кресла была украшена резьбой в виде завитков травы, а ножки — узорами облаков. Оно выглядело очень изысканно.

Гу Цин сел в него, и казалось, что он сидит в тронном зале с тем же величием.

Фэнъян:

.....

Фэнъян посмотрела на свои слегка дрожащие руки. Эти руки явно не были руками принцессы. На них были мозоли и мелкие шрамы, оставленные ветрами и непогодой:

— Я боюсь, что не смогу сдержаться и задушу его, но боюсь и того, что не смогу этого сделать.

После долгого молчания она снова заговорила:

— Второй брат, ты знаешь, что однажды, вернувшись из инкогнито, он принёс мне связку танхулу? В итоге я так и не съела её, и мать приказала дворцовым поварам сделать копию.

Гу Цин молчал.

Фэнъян не выдержала и подняла голову:

— Второй брат?

Гу Цин, опершись на руку:

— Да. Я думаю, что такое танхулу.

Фэнъян удивилась:

— Ты не знаешь? Правда?

Гу Цин холодно ответил:

— Нет.

Фэнъян:

.....

Гу Цин резко сменил тему:

— Я приказал историкам записать события дворцового переворота. Хочешь посмотреть?

Фэньян спросила:

— Это правдиво?

Гу Цин улыбнулся:

— Конечно. Это же дворцовый переворот, как иначе?

Бедный историк был в шоке и, казалось, готов был умереть на месте.

<http://bllate.org/book/15394/1359553>